ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МУЗЫКАНТОВ

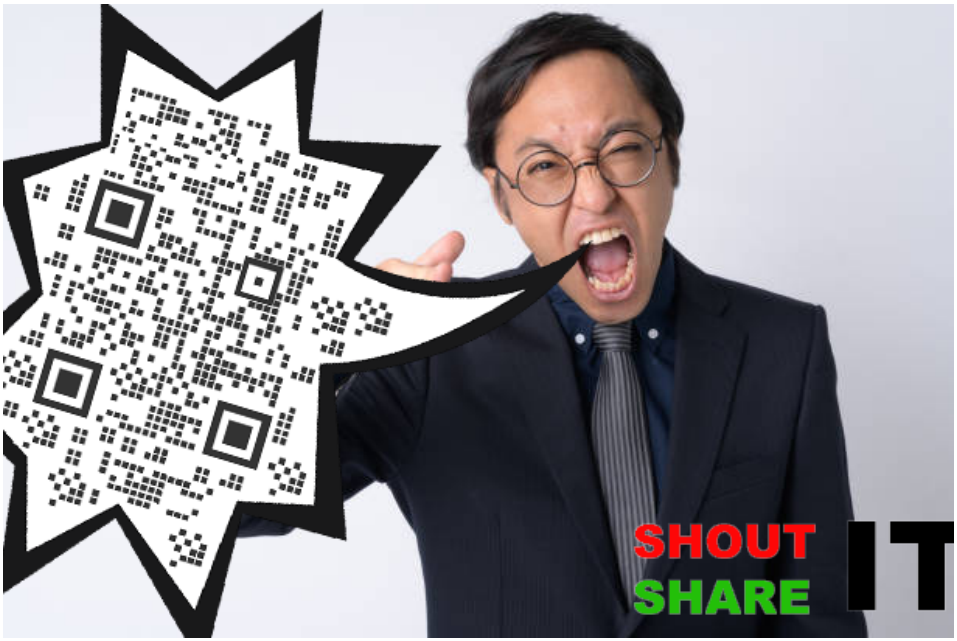
С. Михайлова-Штерн

Шопен

Для школьника и пионера

5

МУЗГИЗ 1935

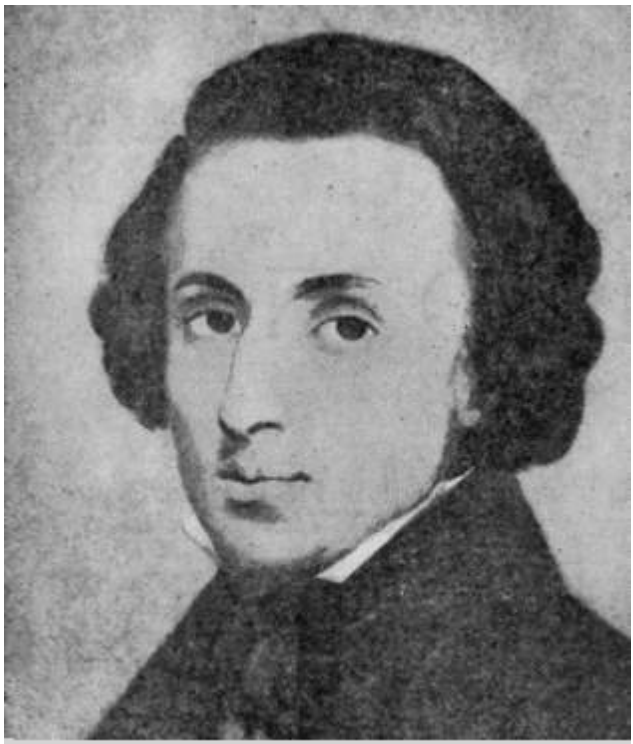

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь замечательных музыкантов
Для школьника и пионера
Выпуск V

- С.Михайлова-Штерн
  -
  - 1. Маленький музыкант.
  - 2. Семья Шопена.
  - 3. Первый концерт.
  - 4. Учение Фридерика.
  - 5. В веселой Шафарне.
  - 6. В Варшавской консерватории.
  - 7. Ученик Эльснера.
  - 8. Прощай, Варшава!
  - 9. Холодный прием в веселой Вене.
  - 10. Жизнь в Париже.
  - 11. Только музыкант!
  - 12. Дружба с Жорж Санд.
  - 13. 1848 год.
  - 14. Последние дни жизни Шопена.
- notes
  - 1

С.Михайлова-Штерн
Шопен



Ф.Шопен

1. Маленький музыкант.

Весеннее солнце уже склонялось к закату, но все еще яркими и веселыми лучами заливало большую, красиво убранную комнату. Главное украшение комнаты составляло фортепиано из красного дерева, стоявшее в простенке между двумя окнами. Вокруг фортепиано на мягких стульях, на низеньком диванчике сидели несколько мальчиков-подростков, пожилой мужчина и хорошенькая девочка с черной кудрявой головкой. Все они внимательно слушали игру сидевшего за фортепиано на высокой табуретке худенького мальчика лет 6 — 7.

Мальчик играл без нот, — словно не замечая никого и ничего вокруг. Он смотрел перед собой, как будто вспоминая что-то или рассматривая висевший против него портрет, увлекаясь собственной игрой. Его большие карие глаза и красивое розовое личико выражали глубокую задумчивость и внимание. Пожилой мужчина, сидевший на диване, не спускал глаз с мальчика, и рука его машинально отбивала ритм на ручке дивана.

Последний заключительный аккорд прозвучал, мальчик кончил играть и окинул всех задумчивым взглядом.

— Хорошо, Фричек, но только ты напрасно замедляешь темп в середине, да и вообще все аллегро надо играть в более быстром темпе, — заметил пожилой мужчина.

— Пане Войцех, а мне кажется так лучше и красивее.

— Ого, Фричек! Здорово! Ты уже начинаешь поправлять Моцарта. А ну-ка, дерни нам хороший краковяк, а мы с Людвисей потанцуем! — воскликнул резвый мальчик, сидевший верхом на стуле.

И Евгений Скродский вскочил со стула, подбежал к девочке, схватил ее за руки и пустился танцовать, так как Фричек уже заиграл краковяк.

Примеру Скродского и Людвиси последовали и остальные. Вскоре в большой комнате все оживленно танцовали, кроме пана Войцеха, продолжавшего сидеть на диванчике у окна. Фричек между тем стал незаметно ускорять темп все больше и больше, и, наконец, танцующие уже не в силах были поспеть за ритмом музыки; задыхаясь, без сил, упали они на стулья. Фричек и пан Войцех смеялись, глядя на них.

Фричек, между тем, заиграл красивый менуэт Моцарта, а слушатели его отдыхали после бешеного краковяка.

— Фричек, здорово стал ты играть. Ты, кажется, собираешься играть лучше всех на свете? — продолжал подшучивать неугомонный Скродский.

— Ну да, я буду много играть и буду играть лучше всех на свете, — совершенно серьезно ответил Фричек.

— Лучше пана Живного?

— Конечно, я буду играть лучше пана Живного, — с глубоким убеждением ответил Фричек.

— И лучше пана Эльснера?

— Лучше пана Эльснера, — настаивал Фричек.

— И пана Явурка, дирижера оперы?

— И пана Явурка. Я буду играть лучше всех на свете!

— И лучше мамы? — коварно спросила брата Людвися.

Фричек замедлил ответом. Настаивать, что он будет лучше играть, чем его любимая мама, ему казалось невозможно, но потом он решительно тряхнул головой, смело посмотрел на сестру и ответил:

— Лучше мамы! Я буду играть лучше всех на свете.

Все одобрительно захлопали в ладоши. В дверях появилась высокая красивая женщина в белом воздушном чепце. Она слышала последние слова мальчика, наклонилась над ним, обняла его и воскликнула:

— О, мой дорогой мальчик, конечно, ты будешь играть лучше всех на свете! Но тебе придется раньше много и долго учиться. А теперь, дети, идемте ужинать, отец уже пришел.

Она взяла сына за руку, и все направились в столовую.

— Видишь, Фричек, тебе придется много учиться. Я тебя заранее жалею... — поддразнивал Скродский.

— Я буду много учиться, я ведь не такой ленивый, как ты, и с мадам розгой не знаком, — бойко ответил Фричек.

— Что, Евгений, получил?! Попало тебе! Не приставай другой раз! — смеялись товарищи над Скродским.

2. Семья Шопена.

Все это происходило в 1817 году в квартире Николая Шопена, преподавателя французского языка и литературы в Варшавском лицее.

Лицей помещался в большом, красивом дворце, когда-то принадлежавшем польским королям. Огромное здание окружал густой сад. Вокруг дворца были расположены меньшие здания; в них жили профессора и преподаватели лицея, занимавшие хорошие, просторные квартиры. Оплата профессоров была небольшая, и все они поэтому прирабатывали еще, имея так называемые пансионы, т.е. брали на дом к себе приезжих учеников из провинции на полное содержание.

Такой пансион имел и Николай Шопен. У него на дому всегда жило шесть пансионеров-мальчиков. Пансион Николая Шопена славился в Варшаве, как лучший в отношении ухода за учениками и заботы об их учении. Плата по тогдашнему времени была очень высока - четыре тысячи злотых[1] в течение учебного года за одного ученика, и к Шопенам попадали только дети богатых помещиков.

Николай Шопен был образованный и культурный человек, спокойного и выдержанного характера, прекрасный учитель, любивший свое дело. Предки его много времени тому назад переселились из Польши во Францию, в город Нанси, и там настолько укоренились, что забыли родной язык; осталось только предание о польском происхождении.

В 1787 году молодой Николай Шопен, юноша 17 лет, оставшись сиротой после смерти всех своих родных — отца, матери и братьев, — возвратился в Польшу. В Варшаве он устроился на работу у знакомого француза-фабриканта и стал учиться польскому языку, сам в то же время давая уроки французского и немецкого языков. Он стал известен со временем как опытный учитель, и богатая помещица Лончинская пригласила его воспитателем и учителем к своим сыновьям. Шопен согласился и переехал в ее имение Чернеёво, недалеко от Варшавы. Там он пробыл недолго и вскоре переехал к другим помещикам, — графам Скарбек, в их имение Желязова Воля.

У графини Скарбек было три сына, к ним-то она и пригласила учителем Николая Шопена. В Желязовой Воле Шопен прожил восемь лет. Там же он познакомился с дальней родственницей графини Скарбек — Юстиной Крыжановской, которая жила у нее в качестве экономки, и женился на ней.

Юстина Крыжановская была высокая, красивая девушка,

спокойного и настойчивого характера, воспитанная и образованная так, как были образованы тогда дочери помещиков. Учили их, главным образом, французскому языку, музыке, танцам, хозяйству; немного истории, литературы и умение красиво и правильно писать на родном языке и по-французски дополняли их образование.

Она и Николай Шопен по общему мнению были подходящей парой друг другу. Графиня Скарбек отвела им в усадьбе, в одном из флигелей для служащих, квартирку, и молодые супруги зажили там, занимаясь в свободное время чтением и музыкой.

Юстина хорошо играла на фортепиано и пела, отличаясь прекрасным голосом. Николай Шопен очень недурно играл на скрипке и флейте.

Год спустя, в 1807 году, у них родилась старшая дочь Людвика, а 22 февраля 1810 года родился второй ребенок, мальчик, названный Фридериком, впоследствии один из величайших музыкантов.

Отец и мать Шопена

К этому времени сыновья графини Скарбек уже подросли, и пора было отдавать их учиться в учебное заведение. Служба Шопена у графини Скарбек становилась ненужна, надо было искать новое место. Николаю Шопену хотелось переехать опять в Варшаву, хотелось устроиться преподавателем в Варшавском лицее. Ректор лицея, Линде, был давно знаком с графиней Скарбек, и при ее помощи Николай Шопен получил желанное место преподавателя.

Через полгода после рождения сына, в том же 1810 году, Шопены переехали в Варшаву, и в их вновь открытом пансионе в числе первых шести учеников были два сына графини Скарбек.

В Варшаве у Шопенов вскоре родились одна за другой еще

две дочери — Изабелла и Эмилия. В семье было уже четверо детей. Пани Юстина была целиком поглощена домашним хозяйством, заботами о своих детях и шести пансионерах. Кроме того, она сама учила первоначальным основам музыки как пансионеров, так и свою старшую дочь Людвику. Николай Шопен с помощью жившего у них воспитателя следил за обучением пансионеров и сам занимался с ними.

Ученики любили Шопена и как учителя, и как воспитателя, но потихоньку посмеивались над его произношением польского языка на иностранный лад: он особенно тщательно выговаривал все гласные буквы. Посмеивались они и над его постоянными рассказами и угрозами познакомить их за непослушание и шалости с "мадам розгой". В те времена полагали, что без помощи порки не может обойтись ни воспитание, ни обучение детей, а секли обычно розгой. Николай Шопен очень редко прибегал к помощи порки, но иногда и он пользовался розгой.

Первой учительницей маленького Фридерика была, собственно, не мать, а его старшая сестра Людвика. Она была старше его на три года, очень живая и способная девочка. Когда Людвику начали учить читать и писать, играть на фортепиано, она стала передавать свои, вновь приобретенные, знания брату. Мальчик быстро и налету схватывал уроки маленькой учительницы, и будучи пяти лет Фридерик вместе с сестрой читал по-французски и по-польски. Французский язык, наравне с польским, был родным языком в семье Николая Шопена.

Но еще более охотно учился Фридерик у сестры музыке, проявляя в этом отношении удивительное терпение и настойчивость. Скоро пятилетний мальчик не только догнал свою способную сестренку, но и далеко опередил ее. Он уже играл почти все, что знала и играла его мать и, при своем удивительном слухе и музыкальной памяти, часто по наслышке играл то, что играли уже взрослые ученики, пансионеры отца и знакомые музыканты.

Удивительные способности мальчика, его стремление к музыке, настойчивость, с которой он часами просиживал за фортепиано, разучивая по нотам или играя по слуху различные пьесы, заставили родителей подумать, что Фридерика надо серьезно учить музыке, что для него надо найти знающего учителя.

Фридерику было шесть лет, когда его стал основательно учить музыке чех Войцех Живный, друг Николая Шопена, известный в Варшаве учитель музыки.

Живный был постоянным учителем в пансионе Шопена; он учил музыке пансионеров, учил Людвисю, стал учить и

Фридерика.

Одинокий, холостой человек, он был ежедневным гостем в семье Шопена. Приходил обедать к ним каждый день и все послеобеденное время, до вечера, а то и позже, проводил у них, если не уходил в театр слушать оперу, или на какой-нибудь концерт.

И все это время, до тех пор, пока Фридерика не уводила мать, чтобы уложить спать, мальчик проводил со своим учителем; их обоих нельзя было оторвать от фортепиано. Если они не занимались, то Фричек играл Живному свои собственные фантазии. Переносить на бумагу нотными знаками то, что он сочинял, Фричек еще не умел, и его выручал Живный. Он переносил на ноты то, что Фричек играл, а затем мальчик уже по нотам играл свои собственные, сочиненные им, вещи.

Часто пани Юстина приходила и насильно прекращала эти занятия, настаивая, чтобы Фричек шел погулять, побегать в саду, так как для ребенка вредно так долго сидеть за инструментом.

Послушный мальчик оставлял фортепиано и шел вместе с Живным в сад лицея. Там учитель и ученик вели бесконечные разговоры о музыке.

Живный был человек высокого роста, с огромным фиолетового цвета носом, в силу пристрастия его владельца к вину и нюхательному табаку. Его нос, подбородок, белый галстук, жилет, сюртук и даже высокие венгерские сапоги — все было засыпано табаком. В кармане, кроме огромной табакерки с портретом композитора Моцарта, вмещавшей полфунта табаку, и огромного красного платка в клетку, находился всегда наготове небывалых размеров четырехугольный карандаш, которым Живный имел обыкновение ударять по пальцам или по голове непонятливых или невнимательных учеников. Одному только Фридерику Шопену никогда не пришлось испытать на себе этот карандаш.

3. Первый концерт.

Прошло два года. Успехи Фридерика в музыке были настолько велики, что о талантливом мальчике-пианисте стало известно во многих домах в Варшаве. Опытные музыканты считали его замечательным ребенком, "который должен заменить Моцарта".

Друзья Николая Шопена постарались, чтобы первое произведение Фридерика — "Полонез" — было напечатано. Кроме "Полонеза" в этом же 1817 году была напечатана и другая композиция Шопена, но уже без упоминания имени автора: "Военный марш". Этот марш играли с тех пор обычно во время парада.

В светлый, солнечный день 24 февраля 1818 г. в квартире Николая Шопена было большое оживление. В гостиной расхаживали разговаривая Живный и нарядно одетый Николай Шопен, а рядом в столовой стоял на кресле Фридерик. Вокруг него суетились мать и Людвися. Служанки бегали взад и вперед, принося разные вещи. Младшие сестры и трое учеников сидели вокруг, смотрели и перекидывались шутками.

Фридерика одевали в новый бархатный костюм, — сегодня он должен был в первый раз выступить публично на концерте, играть на фортепиано. Все вокруг него суетились и волновались, но сам Фричек был спокоен и вполне уверен в себе. Его очень занимал новый костюм, а главное - большой, красивый кружевной воротник, лежавший на столе.

— Ну, сынок, ты готов, смотри не волнуйся, а выйдешь, поклонись публике, сядь хорошенько, а потом уже принимайся играть, — напутствовала пани Юстина, целуя сына.

— Ах, мамуся, какой воротник у меня красивый, вот наверно все будут смотреть на него. Я не боюсь, я все прекрасно помню. И пан Живный, и пан Эльснер — все говорят, что я хорошо играю.

Пани Юстина была нездорова и не могла быть на концерте. Николай Шопен сам повез сына на концерт. Фридерик играл в этот вечер очень трудную вещь — фортепианный концерт Гировеца.

Успех концерта был необычайный. Кроме своей изумительной игры, маленький пианист был так привлекателен и мил, что общему восторгу не было конца.

Вечером, когда отец и сын уже приехали домой, пани Юстина посадила сына на колени и спрашивала, что же больше всего понравилось публике.

- Мамуся, я говорил тебе, что понравится мой воротник, все

на него только и смотрели, — уверял Фричек при общем смехе.

После этого концерта маленький "Шопенек" стал любимым гостем и баловнем варшавских гостиных. Его постоянно приглашали на вечера, и роскошные коляски польских аристократов часто подъезжали к квартире Шопена за маленьким артистом. На этих вечерах Шопен играл не только чужие произведения, но часто и свои собственные импровизации.

Общее внимание, постоянные похвалы должны были бы, казалось, испортить мальчика, развить в нем большое самомнение, большую самоуверенность. Но под внимательным надзором отца, любящей матери и Живного Фридерик попрежнему оставался тем же послушным ребенком и внимательным учеником.

Однажды Фридерик заметил, что если взять не октаву (8 тонов) как обычно, а 10 тонов, то получается очень красивое созвучие. Но его рука была слишком мала, не могла охватить столько клавиш. Чтобы придать гибкость пальцам, он стал на ночь привязывать между пальцами деревянные клинья, не обращая внимания на все неудобства и мучения от подобной меры. К счастью, он скоро убедился, что насколько широкие аккорды звучат красиво на фортепиано, настолько механическое растягивание рук ослабляет, а не усиливает их гибкость, и прекратил свои опыты.

Эта маленькая подробность говорит об удивительном терпении и настойчивости мальчика; он готов был идти на какие угодно лишения и неудобства, лишь бы только добиться совершенства в области музыки.

4. Учение Фридерика.

Фридерику уже минуло восемь лет, надо было подумать о его школьном обучении. Николай Шопен считал, что лучше отдавать детей в общественную школу попозже, не ранее 13-14 лет, а до тех пор дети должны учиться дома. Такой системы он придерживался воспитывая и чужих, и своих детей. Поэтому Фридерик и его сестры учились вместе дома под руководством отца.

Для поступления в 4-й класс Варшавского лицея требовались языки французский, немецкий (оба языка Шопен знал с детства), латынь, история, география, грамматика всех трех языков и родного польского языка, арифметика полностью, часть алгебры и геометрии, умение писать сочинения. Все эти предметы для мальчика, увлеченного музыкой, могли казаться скучными. Но Фридерик учился внимательно и добросовестно. Он отличался прекрасной памятью, хорошими способностями и воспринимал все быстро, так что ученье его шло легко.

Маленького "Шопенека" постоянно приглашали послушать те или иные концерты. Различные знаменитые певцы и музыканты по дороге из Европы в Россию останавливались обычно в Варшаве и давали здесь свои концерты. В таких случаях почти никогда не обходилось без того, чтобы Фридерика не приглашали на свой концерт сами артисты, или кто-либо из богатых знакомых не заезжал за ним. Конечно, талантливого мальчика всегда просили играть и восхищались им. Знаменитая певица Каталани, которая проездом в Россию дала в Варшаве пять концертов, была так очарована Шопеном, что на прощанье подарила ему золотые часы с надписью на крышке: "Анжелика Каталани десятилетнему Фридерику Шопену".

В трудолюбивой семье Николая Шопена, где все были заняты, а сам глава семьи кроме уроков в лицее и занятий со своими пансионерами, еще преподавал в Военной артиллерийской школе, не было обычая приходить в гости когда вздумается. Для приема гостей был один день в неделю — "четверг". По четвергам сослуживцы и знакомые собирались у Шопенов поговорить, поиграть в карты, а молодежь потанцовать.

Благодаря Фридерику, слава о котором разошлась по Варшаве, как о замечательном музыканте, стали бывать у Николая Шопена по четвергам и музыканты. Стал часто приходить директор консерватории Эльснер, дирижер Варшавской оперы Явурек, профессора консерватории, приезжие музыканты и местные любители музыки. Все они окружали

Фридерика вниманием, делали ему указания, говорили с ним о музыке, слушали его и играли сами. Таким образом Фридерик учился и развивался в постоянном музыкальном окружении, что имело, конечно, для него огромное воспитательное значение.

Больше всех из них любил Фридерик талантливого директора консерватории Юзефа Эльснера.

5. В веселой Шафарне.

Когда Фридерику исполнилось тринадцать лет, Николай Шопен решил, что довольно сыну учиться дома. Осенью 1823 года Фридерик выдержал экзамен в 4-й класс Варшавского лицея.

Занятия в лицее, и притом в старших классах, отнимали у Фридерика уже больше времени, чем дома. Приходилось, к его великому огорчению, отрываться от музыки, так как Николай Шопен требовал от сына, чтобы в отношении учения и подготовки уроков он служил примером для пансионеров. Фридерик утешал себя только тем, что это положение недолго будет продолжаться, так как в лицее было всего б классов, значит, ему придется учиться три года.

Он добросовестно учился. Хотя учителя, особенно по математике, латыни и греческому языку, иногда укоряли его за рассеянность и невнимательность, но так как он все же был одним из способных учеников, то переходил из класса в класс с наградами и похвалами.

Эльснер обещал Фридерику, что по окончании лицея возьмет его своим учеником в консерваторию, и уговорит родителей не мешать его музыкальной карьере.

Живный передал все, что знал, своему талантливому ученику. Фридерик уже перегнал учителя. Дальнейшими его музыкальными занятиями стал руководить Эльснер, но это нисколько не мешало Фридерику попрежнему любить своего первого учителя — Живного.

В лицее у Фридерика были уже другие товарища. Больше всех сблизился он с братьями Кольберг - Вильгельмом и Оскаром, позднейшим собирателем народных песен, и с Домиником Дзевановским.

К Доминику стал ездить Шопен летом на каникулы в имение его родителей — Шафарню. Имение это находилось в очень красивой местности недалеко от Плоцка. Летом там собиралось много молодежи. Кроме Доминика приезжал на лето еще брат его Каэтан и сестра Людвика, тоже учившиеся в Варшаве.

Доминик, Людвика и Фридерик Шопен — это была дружная тройка — зачинщики веселья в Шафарне. Трудно сказать, кто больше — Доминик или Фричек стояли во главе веселья. Шопен затеял издавать в Шафарне рукописную газету раз в неделю, под названием "Шафарнский курьер", каждый номер которой он непременно посылал родителям и сестрам в Варшаву. Четыре номера этого "Курьера" сохранились до сих пор. Веселая тройка сочиняла остроумную газету, причем Шопен был редактором, а

Людвика Дзевановская цензором. Цензор следил, чтобы остроты и статьи не очень больно задевали окружающих. Однажды редактор, рассердившись на цензора за то, что он зачеркнул и не пропустил какую-то остроту, написал в номере следующее: "Прошу пана цензора дать мне волю и не держать меня за хвост". Но в общем газета была забавная и очень веселая.

Фридерик увлекался в Шафарне больше всего народным танцами и песнями. По вечерам, когда в деревне раздавались музыка и пение, мальчики отправлялись на танцы. Эти деревенские танцы — краковяки, мазурки и оберки — обычно танцовали под музыку странствующего скрипача. Скрипка в Польше - любимый народный инструмент, и скрипачи ходят из деревни в деревню, зарабатывая игрой свой хлеб.

Доминик немедленно принимал участие в танцах, а Фридерик усаживался где-нибудь подальше и прислушивался внимательно к игре скрипача и пению молодежи, наблюдая за танцующими.

Однажды в соседнем с Шафарней имении Оброве он услыхал женский голос, певший интересную песню. Он отправился искать певицу и увидел девушку, которая сидела на низеньком плетне и пела. Он уговорил девушку три раза подряд спеть ему эту песню, чтобы запомнить слова и мотив.

Фридерик, наслушавшись музыки, а Доминик натанцовавшись досыта, возвращались домой, где Шопен на фортепиано немедленно фантазировал на услышанные народные песни к всеобщему удовольствию.

Три года подряд ездил Шопен в Шафарню, пока он вместе с Домиником не окончил лицей.

За три года пребывания в лицее Фридерик написал несколько произведений, из них две мазурки и большое рондо уже были напечатаны в 1825 году, когда он был в 5-м классе лицея. О них с большой похвалой отозвались варшавские газеты. Кроме того, имелись мазурки, два вальса и полонезы, которые хотя и не были напечатаны, но их часто играли среди публики, именно как произведения Шопена.

Один из этих полонезов, названный Шопеном в шутку "Прощальный полонез", был написан в 1826 г. перед отъездом на каникулы в Шафарню. Накануне Фридерик с Вильгельмом Кольбергом были в театре и слушали оперу Россини "Сорока-воровка". Кольбергу чрезвычайно понравилась одна ария; выйдя из театра, по дороге домой он все напевал мелодию. На другой день Фридерик, придя попрощаться, принес ему "Полонез* с надписью: "До свидания", на тему из оперы "Сорока-воровка".

В рукописи среди друзей и знакомых Фридерика, а также и

среди более широкой публики была любима и другая вещь пятнадцатилетнего композитора - мазурка A-moll, op.17. Это было воспоминание о пребывании в Шафарне.

Наконец последние экзамены сданы. Лицей окончен, больше не надо думать о школе, об уроках, и Фридерик чувствует себя свободным, как птица. Ничто больше не будет мешать ему всецело заниматься музыкой.

6. В Варшавской консерватории.

Осенью 1826 года шестнадцатилетний Шопен поступил в Главную школу музыки, как называлась тогда в Варшаве консерватория. Поступил он сразу на старший курс композиции. Фридерик уже был признан, как "лучший пианист в Варшаве", и фортепианной игре ему нечего было учиться. Поступил он в класс Эльснера, под его непосредственное руководство.

Не сразу решились родители Фридерика на такой путь для сына. Такого, как теперь, отношения к артистам, как к людям, отмеченным особым даром, как к людям выдающимся, в то время не было. Напротив, музыканты рассматривались, как нечто низшее. Это люди, которые служат для забавы; к ним можно относиться только снисходительно, но считать их не то что выше других людей, а даже наравне с собой - было совершенно не принято и считалось невозможным.

Понимал это и Николай Шопен, и не хотелось ему для сына такого тяжелого пути, но Фридерик рвался к музыке, она заполняла его всецело, ни о чем другом он и думать не мог. Пришлось согласиться.

Ректор Главной школы музыки, Юзеф Эльснер, заслуженный, опытный и образованный музыкант, автор любимых публикой опер, очень любил Фридерика. Он стал умело руководить гениальным юношей, посвящая его в теорию музыки. Он не стеснял творчества Фридерика, предоставляя ему полную свободу выбора. Тем профессорам, которые упрекали его в том, что он дает слишком большую свободу Шопену, Эльснер отвечал: "Оставьте его в покое, он не идет обычным путем, но и талант у него необычайный. У него свой путь".

Шопен следовал указаниям своего учителя, исполнял его требования и учился удивительно настойчиво и терпеливо. Учитель и ученик любили друг друга и впоследствии на всю жизнь остались большими друзьями.

Эльснер сумел привить своему молодому ученику качества, которые редко встречаются у богато одаренных людей, а именно: строгую, требовательную критику по отношению к себе самому и своим произведениям и умение использовать все те данные и те выгоды, которых можно достигнуть трудом и терпением.

Любимые ученики Эльснера, однокурсники Шопена, среди которых был ряд талантливых музыкантов, часто собирались в его квартире. Жена Эльснера была певица, артистка Варшавской оперы, а молоденькая дочь - талантливая пианистка. Молодежь собиралась петь и играть свои и чужие вещи. Шопен имел

обыкновение все свои новые вещи непременно подвергать обсуждению в этом молодом кружке. Если новое произведение бывало одобрено и утверждено, — Шопен немедленно, если только это была небольшая вещь, вписывал ее в особый альбом панны Эмилии Эльснер, всегда лежавший на фортепиано.

О способности Фридерика импровизировать, о его удивительно мягкой, нежной игре сохранилось много рассказов.

Однажды Николай Шопен и пани Юстина ушли в театр. Дома остались пансионеры под надзором воспитателя Барчинского, молодого человека, года на четыре старше своих учеников, и Фридерик с сестрами.

Молодежь обрадовалась отсутствию старших, уроки были заброшены, и по всей квартире началась возня и беготня. Чего только расшалившиеся мальчики ни придумывали! Наконец, решили устроить бой подушек. И вот, по всей квартире стали летать подушки с кроватей, с диванов, дошло дело даже до валиков с большой тахты в столовой. Никакие уговоры и угрозы Барчинского не помогали, его и слушать не хотели.

В отчаянии Барчинский побежал в комнатку Фридерика, которая находилась наверху; ход в нее был по отдельной лесенке из передней. Фридерик сидел за фортепиано и писал.

— Фричек, помоги мне! Я с этими разбойниками ничего поделать не могу. Они весь дом перевернули вверх ногами. Никакие угрозы не помогают. Может быть, тебя послушают, — упрашивал Барчинский, рассказывая, что творится внизу.

— Нелегкое дело успокоить их, — сомневался Фридерик, — но пойдем, я попробую.

Он отправился вниз и увидал бой в самом разгаре: подушка попала ему в голову, валик в бок.

— Эй, хлопцы, бросьте воевать, идем в гостиную, я покажу вам на фортепиано интересную штуку! — закричал Фридерик.

Мальчики, очень любившие Фридерика, прекратили возню, побросали подушки на кровати и гурьбой отправились вслед за ним в гостиную, а там удобно расселись на мягких креслах вокруг фортепиано.

Фридерик стал играть на фортепиано, рассказывая приключения шайки разбойников: как разбойники забрались в богатый замок, утащили оттуда все ценное - платье, белье, ковры, шубы, столовое серебро, забрали бы еще больше, но подъехали хозяева, а навстречу им прибежали из парка слуги, которые в отсутствие хозяев собрались в дальнем уголке на пирушку; разбойники разбежались, но многое успели унести; а затем, собравшись на сборном пункте, стали делить добычу, поссорились при дележе, но после помирились и, наконец,

утомленные заснули в лесу в тихую июньскую ночь.

Все это, каждую сценку, Фридерик сопровождал подходящей музыкой. Мальчики так заслушались, так заинтересовались приключениями разбойников, что забыли о всех шалостях и вообще о целом свете.

Кончая рассказ описанием сна, охватившего разбойников в тихую летнюю ночь, Фридерик стал играть убаюкивающую колыбельную песню так нежно, так мелодично, что постепенно его слушатели один за другим, не исключая и воспитателя Барчинского, заснули.

Между тем в передней послышался звонок. Очевидно, пришли Николай Шопен с женой. Фридерик на цыпочках вышел из гостиной и, смеясь, упросил мать, отца и сестер со свечами в руках зайти в комнату и полюбоваться на спящих "разбойников".

Действительно, вид шести разоспавшихся мальчиков и Барчинского, в самых разнообразных позах, на креслах и диване, был очень забавный.

Фридерик приложил палец к губам, тихонько подошел к фортепиано и взял на басах мощный аккорд. Спящие испуганно вскочили с мест, не понимая, что творится. Конечно, общий смех был заключением всего происшествия, а больше всего смеялся виновник, усыпивший всех своей чудесной музыкой.

7. Ученик Эльснера.

Нельзя сказать, чтобы учение в консерватории совсем уже легко давалось Шопену и не требовало от него никаких усилий. С самых своих молодых лет Фридерик был и остался навсегда мастером в области игры на фортепиано. Все его произведения, за исключением немногих, написаны для фортепиано, и он признавал только один инструмент — фортепиано. Правда, он прекрасно играл на органе, но ничего не написал для него. Он любил пение, но для пения написал всего лишь 17 песенок и романсов, которым не придавал никакого значения и не хотел их печатать.

А в консерватории требовалось от учеников умение сочинять для многих других инструментов (оркестр). Вот в этих обязательных работах Шопен был сравнительно слаб, и если бы не помощь товарищей, очень любивших его и охотно выручавших его, он бы не всегда удачно справлялся с данными ему задачами.

Зато в области фортепиано он был на высоте, там он властвовал вполне. Но пока приходилось работать, приходилось не отставать и выполнять обязательные задания для игры; для сочинений же по своему вкусу и желанию оставалось мало времени. Тем более, что еще надо было выступать в концертах то в самой консерватории, то в театре, то в гостиных знатных магнатов.

В те времена человеку, посвятившему себя искусству, невозможно было обойтись без покровительства богатых и знатных аристократов. Государство не приходило на помощь людям таланта, и возможность существования музыкой вполне зависела от великих и знатных мира сего. Поэтому Фридерик должен был бывать и играть в гостиной князя Радзивилла, княгини Четвертинской, графини Замойской, графа Сапеги и т.д., чтобы по окончании консерватории иметь покровительство влиятельных людей. Это тоже отнимало не мало времени, так что писать ему приходилось урывками, тем более, что, будучи веселого характера, Фридерик любил потанцовать и повеселиться. Если нанятый музыкант для танцев где-нибудь, где было веселое, интересное общество, оказывался плох, то Фридерик усаживался сам за фортепиано и часами чудесно играл различные танцы. Он не думал о том, что поздно, что завтра надо рано вставать, что он не успеет выспаться и отдохнуть и будет усталым на уроке у Эльснера.

Этот рассеянный образ жизни вредно отражался на здоровьи Шопена. Одно время даже боялись, не ожидает, ли его судьба его

младшей сестры Эмилии, умершей четырнадцати лет от чахотки. Его слабое, нежное сложение, впалая грудь и постоянное покашливание давали повод так думать, тем более, что он легко поддавался простуде.

Фридерик много и неустанно работал над новыми композициями. В 1828 г. в Варшаве вышло его новое большое произведение для фортепиано — Рондо a la Mazur. Много произведений его, крупных и мелких, имелось в рукописях среди варшавской публики. В большом ходу и очень любимы были "Вариации на тему из оперы "Дон-Жуан" Моцарта" для рояля с оркестром, которые Фридерик неоднократно играл на концертах.

Прошел еще год, и консерватория окончена. Зльснер, учитель композиции Шопена, в отчете написал о нем памятные слова: "Фридерик Шопен — музыкальный гений".

Годы учения были закончены. Надо было начинать борьбу за свое место в жизни, за свое признание, как композитора, как творца музыки.

8. Прощай, Варшава!

— Нет, Фридерик, оставаться тебе здесь в Варшаве - это значит отказаться от настоящего музыкального пути. Тебе здесь больше нечему учиться и нечего делать, — говорил Эльснер.

— Повидимому, сын мой, ты считаешь, что дошел уже до совершенства, что твое музыкальное обучение уже закончилось, — заметил Николай Шопен.

— Я не понимаю, Фридерик, почему тебя приходится уговаривать ехать заграницу. На твоем месте каждый давно бы уехал, а не тянул бы эту канитель целых два года, — удивлялся друг Фридерика и тоже ученик Эльснера, Маурициий Мохнацкий.

- Да, скоро два года исполнится, как ты окончил консерваторию. Ну, собирался первое время с силами, а затем уже давно надо было уехать. Если ты хочешь быть знаменитым и уважаемым артистом, занимать подобающее положение, то ты должен ехать заграницу, должен быть признан там, — настаивал Эльснер.

— Я уже давно приготовил для него деньги на дорогу и на первое время, пока он заработает своими концертами, но сын мой все откладывает отъезд.

— Фричек, мой дорогой, я понимаю, что тебе тяжело покинуть родной дом, расстаться с нами, с сестрами, с друзьями, с Варшавой, где тебя все любят и ласкают, но надо ехать, мой дорогой сынок, — и пани Юстина обняла сына.

— Ах, мама, ты одна меня понимаешь. Покинуть вас всех так трудно, что я, конечно, стараюсь оттянуть этот ужасный отъезд. Маурициий, и ты заодно с отцом и паном Эльснером! Ведь ты тоже уже год как кончил, а что-то я не вижу, чтобы ты собирался заграницу.

— Фридерик, как ты можешь сравнивать меня и себя? Разве у меня твой талант, твоя гениальность, разве я могу рассчитывать на славу, такую, какая ждет тебя?

— Ну, запел старые песни. Так меня и ждут в Вене и Париже. Нужен я им там, как прошлогодний снег.

— Спроси пана Эльснера, если не веришь мне! — сердито ответил Мохнацкий.

— Конечно, слов нет, Маурициий — талантливый музыкант. Он будет хорошим педагогом, но для гениального композитора и блестящего виртуоза у него нет данных. А тебе надо слышать и изучить не наш варшавский оркестр, а парижский оркестр или оркестр Миланской оперы; надо слышать тамошних мастеров, надо слышать чудесное итальянское пение, а не здешних учениц

Соливы, — ответил Эльснер.

— Что ж делать. Вы так настаиваете, что мне приходится ехать. Титусь Войцеховский писал мне, что он в ноябре едет заграницу, и я поеду тогда, вдвоем будет веселее ехать; все-таки я буду не один...-согласился Фридерик.

— Значит, решено: в начале ноября ты едешь? — обрадовался Николай Шопен.

— Да, отец, я сделаю все, как ты хочешь. Маурициий, пойдем, я прочту тебе письмо Титуся. Там есть и для тебя приписка, — позвал Фридерик приятеля, уходя.

— Наконец он уедет, и я вздохну облегченно. Вы знаете, пане Юзеф, я ночи не сплю, боясь за него. Не плачь, Юстина, лучше расстаться с ним временно, чем видеть его убитым на войне или расстрелянным в крепости, — говорил Николай Шопен.

— Да, война неизбежна. Ведь сейчас все споры и пререкания идут уже не о том, будет или нет восстание, а лишь о сроке восстания. И, конечно, нам не справиться с Россией. А на эту пресловутую помощь Франции я не надеюсь. Когда будет ближе к делу, царь уступит что-нибудь и сумеет купить этого французского короля. Свой своему поневоле брат, — ответил Эльснер.

— Я очень боюсь! Я знаю, что Фричек сам не участвует в подготовка восстания. Но все его друзья, конечно, принимают самое горячее участие, и все, конечно, попадутся. Они, правда, сберегают его и отстраняют от всех дел, но лучше пусть он уедет.

- Они правы. Фридерик гораздо больше сделает для славы Польши как гениальный артист, чем как слабый воин на поле битвы, — заметил Эльснер.

— Ну, Фричек, наконец, окончательно решил ехать, хотя и с большой неохотой! — проговорил Мохнацкий, входя в комнату.

— Я очень рад, у меня на душе легче стало. Так удачно, что Войцеховский собрался ехать, это его подвинуло, — радовался Николай Шопен.

— Это я написал Войцеховскому, чтобы он выехал ради Фричека, а то бы его не выпроводить. Нет, война будет скоро, а его надо беречь. В нем и Мицкевиче наша слава. Мицкевич в Риме, а Шопен пусть едет в Вену, так мы их обоих сохраним, — уверенно говорил Мохнацкий.

— Да, Фридерик — музыкальный гений, он будет славой и украшением Польши. Я многого жду от него, — поддержал Мохнацкого Эльснер.

Эти уговоры Фридерика происходили в квартире Шопена в начале октября 1830 года.

В июле 1830 года во Франции вспыхнула революция. Была

изгнана династия Бурбонов, а вместо них избрали Луи-Филиппа, герцога Орлеанского, который обещал народу различные блага и реформы и, конечно, впоследствии, как и все короли, обманул народ. Но под влиянием этой июльской революции заволновались другие страны. Начались волнения в прирейнских провинциях Германии. Заволновалась и Польша, находившаяся под властью России. Царь Николай I только что был в Варшаве и ответил весьма суровым отказом на справедливые требования поляков относительно притеснений, творимых русскими чиновниками. Нового короля Франции, как "избранного", а не наследственного, он отказался признать, и, повидимому, между Францией и Россией готовилась война. Поляки учитывали, что война даст им возможность вернуть свою национальную свободу.

Польское крестьянство, как и русское, было тогда в рабской зависимости от своих господ. Современных фабрик и заводов не было, были небольшие мануфактуры, на которых работали крепостные и частью свободные от крепостной зависимости городские жители. Волновалось и готовилось к восстанию за национальную свободу главным образом население городов и дворянско-помещичье сословие, шляхта, которая в Польше была довольно многочисленна. В Польше было много мелких шляхтичей-однодворцев, все поместье которых заключалось в небольшом поле, усадьбе и огороде. Такое владение шляхтич обрабатывал сам со своей семьей. В отплату за земельное владение он должен был по первому призыву правительства являться на войну на собственной лошади и с собственным вооружением.

Вот это-то многочисленное сословие, затем уже помещики, владевшие небольшими и крупными имениями, городские ремесленники и мелкая буржуазия стремились освободиться от угнетавшей их власти русского царизма. Царское правительство старалось выкачать из польского народа побольше денежных средств, облагало народ налогами и вводило различные законы, которые стесняли жизнь поляков.

Царское правительство стягивало в Польшу войска, якобы на случай войны с Францией. Начались аресты в Варшаве среди учащейся молодежи, и ясно было, что вскоре и в Польше вспыхнет революция.

Николай Шопен волновался за сына, а Эльснер за своего любимого ученика, на которого он возлагал столько надежд. Товарищи Фридерика по лицею и консерватории почти все принимали участие в подготовке к восстанию. Один только Шопен, поглощенный музыкой и музыкальным творчеством, мало замечал, что творится кругом. Товарищи Фридерика нарочно

старались держать его дальше от всяких политических дел, многое скрывали от него, считая, что он, при его слабом здоровьи, никуда не годный воин, а видели в нем будущую славу Польши, глубоко веря в его гений. Поэтому Мохнацкий и другие товарищи старались всячески выпроводить Фридерика заграницу, понимая, что если он останется в Варшаве, то, в случае восстания, примет и даже должен будет принять в нем участие — и, вполне возможно, погибнет.

Пришлось Фридерику готовиться к отъезду. На прощание он дал концерт. Концерт имел обычный огромный успех. Фридерик играл свои произведения для фортепиано с оркестром и для одного фортепиано. На другой день об этом "прощальном" концерте коротко упомянула одна только газета. Остальные газеты и журналы обошли концерт полным молчанием, между тем как раньше и до концерта и после каждого концерта Фридерика о нем много писали. Очевидно, растущий успех и слава Фридерика даже в его родном городе стали поперек дороги другим музыкантам. Начиналась вражда по отношению к молодому, гениальному композитору.

После шумной прощальной вечеринки, которую ему устроили друзья и товарищи, пришлось Шопену сказать "прости" Варшаве, родным и друзьям и двинуться в широкий свет из-под теплой опеки родителей, чтобы самому пробивать себе путь-дорогу.

9. Холодный прием в веселой Вене.

Фридерик направился в столицу Австрии, Вену, где он намеревался остановиться подольше, чтобы дать там несколько концертов. У него были с собой письма к различным влиятельным лицам. Да и сам он имел там знакомства в музыкальном мире, так как в 1829 году был не надолго в Вене и даже дал там с большим успехом два концерта.

Только что успели Шопен и Войцеховский приехать в Вену (причем сто лет тому назад железных дорог не было, ехать приходилось на лошадях, а до Вены езды было восемь дней), найти себе квартиру, устроиться, немного отдохнуть, побывать у разных знакомых и влиятельных лиц, как пришло известие о революции в Варшаве.

Воицеховский немедленно собрался в путь, хотел ехать и Шопен, но пришло письмо от родителей, умолявших его остаться в Вене. Воицеховский и другие поляки, находившиеся в Вене, хотя и собирались сами уезжать, уговаривали Шопена остаться. Целая ночь прошла в спорах и уговорах, и, наконец, Шопена уговорили остаться, уверяя, опять-таки, что там он, как слабый воин, мало поможет, а здесь он больше сделает, прославив Польшу, как артист.

Воицеховский и другие приятели Шопена, находившиеся в Вене, уехали, а Шопен остался, подчинившись с болью и тоской общему решению.

Понятно, что такое тревожное состояние духа и беспокойство за родных угнетающе действовало на настроение Шопена. Он и не думал хлопотать об устройстве концерта. Трудно играть, когда душа полна тревоги. Да и Шопен вскоре заметил, что в этот приезд его принимают иначе, чем в прошлый.

Причин для холодного отношения было много, но главная причина была чисто политического характера. Польша в то время была захвачена и разделена на три части, между тремя окружающими ее государствами: Германией, Австро-Венгрией и Россией. Сильнее всех угнетала свою часть Польши Россия; в Австрии полякам жилось сравнительно легче. Но, во всяком случае, раз восстание вспыхнуло в одной части Польши, надо было ждать, что откликнутся и примут участие и остальные части Польши; это, конечно, не могло нравиться австрийцам.

В столице Австрии - Вене - к полякам относились осторожно и недоверчиво, и все польское было не в моде. Шопен уже не встретил прежнего радушного приема у влиятельных лиц, а без них устроить концерт было невозможно.

Затем, музыканты Вены теперь видели в молодом пианисте и композиторе не приезжего гостя, а конкурента, собиравшегося основаться заграницей надолго, конкурента тем более опасного, что они сами признавали в нем большой талант. Личные интересы были дороже всякой справедливости. Поэтому музыканты тоже всячески затрудняли ему устройство концерта.

Сначала из Варшавы получались известия, что поляки побеждают, но затем стало известно, что на Варшаву двинуто много войск из России. Встревоженный Фридерик не находил себе места, он бродил по улицам и бывшим крепостным валам Вены. В этих прогулках ему вспоминались победоносные войска польского короля Яна Собесского, когда-то, много лет назад, спасшего Вену от турецкого нашествия. Ему казалось, что он слышит топот конницы и шум битвы.

Все эти тревоги и ощущения он выразил потом в своих произведениях — полонезах fis-moll и As-dur.

Шопен писал своему другу Яну Матушинскому, получив от него весть о том, что приближается день решительной битвы под Варшавой:

"Друзья мои, что вы делаете, воздвигаете валы под Варшавой, готовитесь к битве! Ах, отчего я не с вами, если не с ружьем в руках, то хотя бы барабанщиком".

А вокруг него Вена веселилась. Столицу Австрии недаром называли "веселой Веной". Нигде столько не танцовали, столько не вальсировали, как в Вене. Два известных композитора вальсов — Штраус и Ланнер — вполне завладели вниманием публики. Вальсы они сочиняли десятками, и вся Вена, танцуя под их изящные мелодии, делилась на два лагеря: сторонников Штрауса и сторонников Ланнера. Газеты и журналы писали о них гораздо подробнее и с большим энтузиазмом, чем о бессмертных творениях Моцарта и Бетховена.

Семь месяцев прожил Шопен в Вене и так ничего и не добился. Выступил один раз на концерте певицы Гарсия — и только. Своего концерта ему так и не удалось устроить. Обиженный, раздосадованный, жалея о потраченном времени, двинулся он дальше в Париж, распростившись навсегда с Веной, где он впервые почувствовал и узнал, что такое настоящая зависть и вражда своих же собратьев-музыкантов.

10. Жизнь в Париже.

Уже по дороге в Париж получились вести из Польши, и Шопен узнал, что 8 сентября 1831 года Варшава после ожесточенного боя и отчаянной обороны взята русскими войсками. Тревога за судьбу близких, родных и друзей охватила Шопена. Кто спасся, кто погиб, каково пришлось мирным жителям, что сталось с его родными после вступления русских войск? Все эти думы и заботы мучили и терзали его.

В Париже Шопен сразу же по приезде познакомился с рядом европейских музыкальных знаменитостей, композиторов, пианистов, певцов и певиц. Все талантливые люди со всех концов Европы стремились тогда в Париж.

Шопен в год приезда в Париж

Первые месяцы ушли у Шопена на то, чтобы устроиться в квартире, на передачу рекомендательных писем, которых он много привез с собой из Варшавы и Вены, на знакомства с людьми, а главное - на посещение театров и концертов. В Большой парижской опере постоянно исполнялись новые произведения; певцы и постановка опер были замечательны, и

Шопен пропадал в театре. Разнообразные концерты, особенно концерты симфонического оркестра, тоже привлекали его.

Шопен познакомился с самым знаменитым в Париже пианистом — Листом. Лист, венгерец по происхождению, талантливый пианист и композитор, был известен не только в Париже, но и во всей Европе. Уже в то время, когда ему было всего 20 лет, его называли "королем фортепиано". Когда Лист познакомился с Шопеном и услыхал его игру, его совершенно новый, до тех пор неизвестный способ удара по клавишам, он был поражен. Услыхав произведения Шопена, особенно его "Этюды", которые Лист сам попробовал играть, он увидел, что явился соперник, равный ему как пианист и композитор. Это так задело Листа, что он неожиданно исчез из Парижа. Оказалось, что Лист на две недели заперся в комнате и посвятил это время упражнению и игре на фортепиано. За это время он выучил "Этюды" Шопена и так артистически исполнял их, что Шопен сам завидовал тему, как играет их Лист.

Не меньшей славой, чем Лист, пользовался в Париже и другой пианист, но славой не так исполнителя, как замечательного преподавателя. Это был Калькбреннер. Шопен отправился к нему с рекомендательным письмом. Калькбреннер просил его сыграть ему и, выслушав игру Шопена, очень хвалил его и в свою очередь сыграл ему. Игра Калькбреннера была так замечательна, что привела Шопена в восторг, и он писал в письме к родным в Варшаву: "Вот кто настоящий "король фортепиано", кто играет поразительно; это настоящий гений, великан, который выше всех пианистов, который нас всех повергает к своим ногам".

Шопен признался Калькбреннеру, что он решил стать, прежде всего, пианистом и проявить себя на этом пути, а уже потом стать известным как композитор. Он считал, что для того чтобы действительно по-настоящему распространять свои сочинения, надо быть самому и композитором и исполнителем в одно и то же время.

Калькбреннер, услыхав это, заявил, что если Шопен года три поработает под его руководством, то он действительно сможет сделать из него настоящего артиста, тогда как сейчас игра Шопена, хотя и прекрасная, не превосходит других. Калькбреннер указал, что Шопен не имеет настоящей школы игры: играет он прекрасно, когда у него есть настроение и вдохновение, и плохо, когда настроения нет; у него, Калькбреннера, таких случаев не бывает. Настоящий артист должен играть всегда хорошо; Шопен на хорошем пути сейчас, но со временем будет играть хуже, испортится, ввиду отсутствия настоящей школы. Нельзя создать в области игры на фортепиано чего-либо нового, не овладев вполне

всем прежним искусством, всей предыдущей техникой.

Хотя Шопену и больно было слышать это, хотя все кругом в Париже и уверяли его, что Калькбреннер говорит все из зависти, но Шопен признал его мнение справедливым. Невзирая на то, что он сам считался признанным пианистом, Шопен стал смиренно учиться у "короля фортепиано", со свойственными ему терпением и настойчивостью.

После восьми месяцев занятий у Калькбреннера, при его деятельной помощи удалось, наконец, Шопену дать свой собственный концерт в Париже. Концерт имел большой успех и принес известную прибыль. Но все-таки Шопен увидел, что он благодаря успеху концерта приобрел себе многих врагов. Пианистов в Париже было много, и появление молодого, талантливого пианиста, опасного соперника, было для них весьма неприятно. Они постарались сделать все возможное, чтобы помешать ему устроиться в Париже.

После концерта Калькбреннер заявил Шопену, что считает теперь его учение, как артиста, вполне законченным. Шопен не забыл внимания к нему Калькбреннера; между обоими артистами навсегда завязалась прочная дружба.

Прошло уже около двух лет, как Шопен выехал из Варшавы, а между тем все это время он жил на те средства, которые посылал ему отец из дому. Его редкие концерты, правда, принесли ему доход, но такой небольшой, что на него нельзя было жить. Никаких возможностей прочного заработка в Парижа не предвиделось, и Шопен решил вернуться в Варшаву, так как там он несомненно мог бы иметь постоянный заработок.

Почти накануне отъезда он встретился на улице с богатым польским князем Валентием Радзивиллом. Шопен стал прощаться с ним, объясняя, что он уезжает из Парижа в Варшаву навсегда и решил там жить и работать. Радзивилл стал убеждать Шопена не делать этого и уговорил его в этот же день отправиться с ним на вечер к барону Ротшильду, где он его представит баронессе Ротшильд, которая, может быть, ему поможет. Шопен согласился.

Братья Ротшильд были богатейшие капиталисты-банкиры, имевшие банки в Вене, в Париже, в Лондоне и во Франкфурте. Всевозможные финансовые дела они проводили совместно, ежегодно решая их на своих семейных съездах во Франкфурте, где был основан первый банк Ротшильдов. От этих богатейших капиталистов, конечно, во всех столицах зависело очень многое, и артист, в котором они бы приняли участие, мог рассчитывать на хорошее будущее.

На это и надеялся князь Радзивилл. На вечере, по его просьбе, баронесса Ротшильд попросила Шопена играть. Шопен

играл в этот вечер вдохновенно и прекрасно — и свои произведения, и чужие — и затем блестяще импровизировал на задаваемые ему темы. Успех он имел огромный. Тут же на вечере, что, конечно, тоже не обошлось без князя Радзивилла, баронесса Ротшильд попросила его давать ей уроки игры на фортепиано, а, подражая ей, еще целый ряд дам изъявили желание быть его ученицами.

Благодаря тому же Радзивиллу, сказавшему, что Шопен берет 20 франков за урок, Шопену на другой день уже незачем было уезжать из Парижа. Он стал давать ежедневно по пять уроков, что составляло 100 франков в день.

Шопен стал часто в зале Плейеля или Эрара устраивать свои концерты, которые, помимо денег, приносили ему все большую славу. И другие артисты стали его приглашать к участию в своих концертах, как известного артиста, чье имя привлекает публику.

Вслед за успехом явились и издатели. Шопену уже не приходилось искать издателей и уговаривать их печатать свои вещи или отдавать их для печати даром, как печатал вначале его произведения венский издатель Гаслингер. Теперь издатели сами просили, чтобы он давал свои произведения, и платили за них хорошие деньги.

Шопен очень скоро устроил себе хорошо обставленную квартиру на улице Шоссе д'Антен, где давал небольшие вечера, на которые охотно собирались лучшие артисты, местные и приезжие.

Работал он, как всегда, много; жизнь его пошла гладко и спокойно. Друзья юности: Матушинский, Мохнацкий, Фонтана, Гофман были с ним (после подавления восстания 1831 года, много поляков вынуждено было бежать заграницу, спасаясь от царского правительства, и бежали преимущественно во Францию). Одного только нехватало: родных — родителей и сестер, к которым Шопен был чрезвычайно привязан.

11. Только музыкант!

Грустный и задумчивый шел Шопен по улицам Дрездена в сентябре 1835 года. Он всего только два дня как расстался с родителями. Николай Шопен с женой приезжал в Карлсбад лечиться и пробыл там целый месяц. Фридерик приехал из Парижа. Месяц промчался так скоро, время пролетело так незаметно, и снова Фридерик один, с тяжелым сознанием, что неизвестно, когда он теперь увидит своих родных. Путешествие из Варшавы утомительно и тяжело; разрешения на выезд заграницу могут и не дать. А сам Фридерик, как эмигрант, неизвестно когда попадет в Польшу.

Сворачивая с одной улицы на другую, Шопен нечаянно толкнул молодого человека. Сначала он извинился, что задел, но веселый возглас вывел его из задумчивости.

— Фричек, что ты здесь делаешь? — и молодой человек бросился его обнимать.

— Фелек, откуда? Я еду из Карлсбада. Был там с матерью и отцом, провел там целый месяц, проводил их и возвращаюсь в Париж.

— А мы здесь все — мама, Казик, Мариня и Юзя. Едем из Женевы. Антось остался, у него там дела. Возвращаемся домой, в Польшу, в Служево. Мы здесь остановились на Рампиш-Штрассе. Пойдем к нам! Вот будут рады!

— Нет, не сейчас, я приду вечером. Счастливые, вы едете в Польшу! Как рад я вас повидать! Жаль, нет Антека. А панна Мариня наверно совсем большая, похорошела наверное?

— О, да, совсем невеста. Ох, и увлекался же ею принц Людовик-Наполеон. А как она играет! Вся Женева с ума сходила... А особенно твои вещи, — все наизусть знает. Придешь вечером?

— Приду, непременно приду. Я так рад вас видеть. Сразу Варшава вспомнилась. Кланяйся матери и сестре.

Они расстались, а Феликс Водзинский побежал домой. Запыхавшись он вбежал в гостиную, где сидели мать, Мария и еще несколько дам.

— Кого я встретил, кого я видел! Мариня, падай в обморок! Самого Шопена! Он здесь, обещал к вечеру быть, посылает вам привет.

Пани Водзинская и ее старшая дочь Мария очень обрадовались. Начались суета и хлопоты. Близким знакомым из Польши, которых в то время в Дрездене проживало много, дано было знать, что вечером будет Шопен и, конечно, будет играть, в чем никто ни минуты не сомневался.

Когда Шопен к вечеру пришел к Водзинским, то, кроме всей семьи, он застал много гостей. Он не ожидал такого собрания, но, конечно, сразу догадался, что привлекло всех сегодня в гостеприимный дом Водзинских. Но так как это все были большей частью общие знакомые из Варшавы, то он остался доволен.

Казимир и Антоний Водзинские были пансионерами, учениками Николая Шопена, товарищами Фридерика по Варшавскому лицею, так что оба семейства были давно знакомы. В детстве Шопена обычно одно воскресенье все дети вместе проводили у Шопенов, а другое у Водзинских. С отъездом семьи Водзинских заграницу, давно уже все не видались.

Все радостно приветствовали Шопена, давно невиданного друга, и притом еще в ореоле европейской славы. После рассказов и воспоминаний, Шопен, уступая горячим просьбам и обаянию пламенных черных глаз семнадцатилетней панны Марии, сел за фортепиано и играл без конца.

Неделю пробыл Шопен в Дрездене и за эту неделю окончательно увлекся "чернобровой Марией". На прощание он написал для Марии свой знаменитый романс "Желание" ("Если б светила я солнцем на небе").

Прощаясь, Шопен и Водзинские условились встретиться будущим летом в Дрездене. Действительно, через год, в июле 1836 г., съехались Шопен и Водзинские в Мариенбаде, одном из лучших курортов Австрии. В Мариенбаде и затем в Дрездене Шопен пробыл с Водзинскими полтора месяца, объяснился с Марией, просил ее быть его женой и получил согласие дочери и матери. Окончательное решение зависело от отца Марии, Винцента Водзинского.

Шопен и Водзинские опять разъехались, причем Водзинские обещали приехать следующим летом в Дрезден, и тогда, в случае согласия отца, должна была состояться свадьба. Пока все дело решено было держать в глубокой тайне. Между Шопеном и Водзинскими, уехавшими в Польшу, началась переписка. Сначала как будто бы родители Марии были согласны на брак дочери с Шопеном, но затем переписка становилась все реже и холоднее, пока совсем не прекратилась. В последнем письме Шопену Водзинские писали, что приезд заграницу откладывается на неизвестное время. Не было никаких сомнений в том, что родители Марии прервали отношения с Шопеном, считая его неподходящим мужем для своей дочери.

Как причину разрыва они выставляли слабое здоровье Шопена, его предрасположенность к туберкулезу, разлуку с дочерью навсегда, так как родство с Шопеном, при его положении эмигранта, заставило бы их, живущих в Польше, подданных

России, очень редко с ней видаться. Частые поездки заграницу очень утомительны, очень тяжелы и вообще, по мнению русских властей, нежелательны. Действуя таким образом на Марию, на ее чувство привязанности к родным, они добились того, что и сама Мария перестала думать о Шопене.

Но главная и скрытая причина разрыва заключалась в том, что Шопен был не шляхтич, а всего лишь сын скромного учителя. Не важно, что он был европейская знаменитость, а важно, что это был только знаменитый "музыкант" — значит, человек без хорошего положения в обществе, по мнению не только одних Водзинских, но и многих других. Если бы еще он был очень богатым человеком, а то ведь он жил только на собственный заработок, правда, большой, но все-таки всего лишь заработок, а не доход с наследственных поместий. И брак с ним не приносил чести. Для польского магната это было унизительно. И осторожно, но решительно Водзинские постарались отстраниться от Шопена.

Тяжело переживал Шопен свое горе и обиду. Он связал все письма Водзинских, Марии и ее матери вместе, вложил в конверт, написал: "Мое горе" и спрятал глубоко в ящик письменного стола.

12. Дружба с Жорж Санд.

В 1838 году Шопен сблизился с знаменитой французской писательницей Жорж Санд.

Жорж Санд была известна своими романами, в которых она описывала несчастное положение женщины во Франции. Там женщина была лишена всех прав; пока был жив отец, муж, брат, она всегда была под опекой: до самой смерти она была не свободной. Пути ко всякому высшему и специальному образованию для нее были закрыты, доступа к какой бы то ни было службе она не имела никакого.

Творчество Жорж Санд было посвящено борьбе за полную свободу женщины наравне с мужчиной. Во всех своих произведениях она провозглашала лозунги свободы: свободы женщины, свободы взглядов и мнений, свободы низших классов общества, свободы страны от деспотизма монархии, от влияния духовенства. Талантливо написанные, эти романы читались с увлечением и создали ей везде в Европе и даже у нас, в тогдашней России, огромную славу.

С Шопеном Жорж Санд познакомилась у Листа в 1836 году. С Листом и его подругой жизни, графиней д'Агу, Жорж Санд была в большой дружбе. Шопен ей очень понравился, и она отнеслась к нему с большой симпатией, приглашая его приехать вместе с Листом к ней в гости, в ее имение Ноган.

Шопену Жорж Санд не понравилась. Уходя от Листа домой вместе со своим приятелем, музыкантом Гиллером, он сказал ему:

— Какая несимпатичная женщина эта Жорж Санд!

Поэтому, несмотря на уговоры Листа, он летом 1837 года не поехал к ней в Ноган.

Жорж Санд была несчастна в замужестве. С мужем после долгих хлопот она развелась, а двоих детей, сына Мориса и дочь Соланж, воспитывала сама. От своей бабушки она получила в наследство небольшое имение Ноган и жила там круглый год исключительно на свой литературный заработок. Она не любила жить в Париже и бывала в столице только наездами, тогда, когда этого требовали ее литературные дела.

Весной 1838 года она приехала в Париж по делам. Шопен стал чаще видеть Жорж Санд, ближе познакомился с ней и изменил о ней свое мнение. Он увидел, какая она умная и интересная женщина.

Ее внимание, ее интерес к нему льстили Шопену. Его обиженное самолюбие человека и артиста, отвергнутого

родителями Марии Водзинской, как недостойного мужа для их дочери, было удовлетворено тем, что такая признанная европейская знаменитость, такая красавица отдавала ему свои чувства и внимание.

Ведь со всех концов Европы, не исключая и России, почитатели таланта Жорж Санд стекались к ней за советами, осыпали ее письмами. Начинающие писатели считали долгом посылать ей свои сочинения, посвящать ей свои первые произведения. Каждый новый ее роман немедленно обсуждался во всех журналах и газетах, переводился на другие языки.

Жорж Санд

И вот два замечательных человека тогдашнего Парижа - знаменитый музыкант-композитор и не менее известная писательница — соединили свою жизнь.

С конца 1838 года Шопен не расставался с Жорж Санд. Летом они уезжали в Ноган, а зимой жили в Париже, снимая два небольших дома, сначала на улице Пигаль, а затем на улице Орлеан.

На годы дружбы Шопена с Жорж Санд приходится наибольшая творческая производительность Шопена. В эти годы он написал наибольшее количество произведений: замечательные

прелюдии, знаменитую сонату b-moll с траурным маршем, баллады, полонез-фантазию, чудесные полонезы As-dur и fis-moll, часть ноктюрнов и лучшие мазурки.

Жорж Санд каждый год увозила его в деревню, в Ноган, и там в спокойной обстановке, вдали от шумной жизни столицы, он отдавался исключительно творческому труду.

В Париже были уроки, театры, концерты. В Париже Шопен целые вечера проводил в аристократических гостиных. Ради успеха, ради славы, он должен был бывать у разных знатных лиц и богатых капиталистов и играть на их приемах и вечерах. Отказываться от их приглашений нельзя было, а все это требовало времени и здоровья.

Шопен привык бывать среди этого общества. С детства он был любимцем богатых аристократических гостиных, так что не представлял себе и не любил другой жизни и другого общества. Когда он находился в Париже, его самого тянуло к рассеянной жизни.

Жорж Санд, напротив, и в шумном Париже вела трудовую жизнь, как всегда, заполненную работой.

По вечерам в ее гостиной собирались друзья. Но это были, главным образом, журналисты, писатели, деятели республиканской партии - Луи Блан, Кавеньяк, Араго. Бывали писатели-самоучки из народа — Пердигье, Жильян, Магю и другие. Много бывало начинающих писателей, которым Жорж Санд охотно облегчала их первые шаги в литературе. Много бывало художников, так как сын ее, Морис, учился живописи у известного художника Делакруа. Да и сама Жорж Санд была в большой дружбе со многими художниками.

Это была пестрая, шумная публика, высказывавшая самые крайние взгляды, резкая и прямая в обращении. Конечно, все эти знакомые были не по душе Шопену, тем более, что политические вопросы его не интересовали (кроме вопроса о независимости Польши), а общественные дела были ему чужды.

Благодаря Шопену стало бывать у Жорж Санд много музыкантов, певцов и певиц, затем появилось много эмигрантов-поляков. Одним словом, личные знакомые Жорж Санд и Шопена стали их общими знакомыми.

Сначала жизнь протекала спокойно, но потом стало резче сказываться различие взглядов, привычек и симпатий Жорж Санд и Шопена. Он был, если не по рождению, то по всем своим взглядам и привычкам аристократом, она была демократкой и по взглядам и по своему жизненному обиходу. Шопен был монархистом, вращавшимся в обществе крупного капитала и сторонников монархии, она признавала только республику и

вращалась в кругу радикалов и республиканцев. Шопен находился в лучших отношениях с придворными и был любимцем королевской семьи; она вместе со своими друзьями стремилась к низвержению династии Орлеанов и короля Луи-Филиппа, к торжеству республики.

Много надо было с обеих сторон деликатности, внимания и снисходительности, чтобы примирять эти противоречия. Все различия между ними искупало духовное богатство их гениальных личностей, творческий дар Шопена и Жорж Санд.

Так прошло несколько лет спокойной и творческой жизни композитора и писательницы. Разрыв наступил только в 1847 году.

Пока дети Жорж Санд, сын и дочь, были небольшими, все шло сравнительно хорошо. Девочка Соланж была любимицей Шопена; Морис не взлюбил Шопена с первой минуты его появления в доме матери. Эта неприязнь мальчика мало трогала Шопена, хотя с годами она не уменьшалась, а, напротив, все усиливалась. Брат и сестра терпеть не могли друг друга, что всегда удивляло Шопена, выросшего и воспитанного в семье совсем другого склада и характера, в семье, где старшие и младшие члены семьи одинаково любили друг друга и одинаково сильно были привязаны друг к другу.

Во всех столкновениях Мориса и Соланж, Шопен всегда был на стороне своей любимицы, а Соланж любила дразнить и злить брата. Неизбежно такое странное, натянутое положение должно было разрешиться взрывом. Дошло до того, что Морис, уже двадцатилетний молодой человек, категорически заявил матери: или он, или Шопен, им двоим нет места в ее доме. Если останется Шопен, то он уедет, поселится отдельно и даже не будет бывать у матери.

Жорж Санд очень любила своего сына, мать и сын были замечательно дружны; дочь она любила гораздо меньше, и когда пришлось выбирать между сыном и Шопеном, она предпочла сына.

Жорж Санд надеялась, что несколько месяцев разлуки успокоят расходившиеся страсти, что потом можно будет как-нибудь примирить обоих, и Шопена и сына, поэтому она с детьми постаралась поскорее уехать в Ноган; 3 апреля 1847 года она уехала из Парижа вместе с сыном и дочерью, обещая писать Шопену.

13. 1848 год.

Шопен остался в Париже один. Сначала он даже был доволен своим одиночеством и покоем. Жорж Санд часто, почти каждые пять дней, писала ему обо всем, что делается в Ногане. Эта переписка продолжалась до конца июля, а затем оборвалась по целому ряду причин, причем основным поводом послужила свадьба дочери Жорж Санд, Соланж.

Соланж выходила замуж за скульптора Клезенже. Шопен считал Клезенже совершенно неподходящим человеком, утверждая, что Соланж будет несчастна, и возмущался, что Жорж Санд соглашается на это замужество. Сама Жорж Санд согласна была с Шопеном, но, хорошо зная упрямый и своевольный характер своей дочери, понимала, что ничего сделать нельзя. Если препятствовать Соланж, то она тайком уйдет к Клезенже. Поэтому она написала Шопену, чтобы он не вмешивался в дело замужества ее дочери: раз она согласна, то не о чем говорить!

Свадьба состоялась в мае, а уже через месяц было ясно, что брак несчастный. У Клезенже оказалось столько долгов, что дом в Париже, который Жорж Санд дала дочери, пришлось продать. В Ногане между Жорж Санд, Клезенже, Соланж и Морисом дошло до диких столкновений, причем Клезенже с ножом бросился на Мориса.

Конечно, после этого Жорж Санд заставила Клезенже уехать, а дочери заявила, что примет ее к себе только без мужа. Соланж и Клезенже уехали в Париж.

После их отъезда Жорж Санд написала Шопену письмо, в котором ставила условием, чтобы он не поддерживал никаких отношений с Клезенже и чтобы по приезде в Ноган ни слова не говорил о Соланж. Только при соблюдении этих условий она согласна на его приезд.

Шопен никоим образом не соглашался оставить свою любимицу Соланж без всякой помощи. Он ласково встретил обоих в Париже, всячески помог им, и таким образом его многолетняя дружба с Жорж Санд была прервана.

Он не поехал в Ноган, остаток лета провел в душном Париже, что крайне вредно повлияло на его здоровье.

Лишенный общества Жорж Санд, ее постоянных забот, Шопен почувствовал себя одиноким, покинутым, его душевное состояние было подавленное, он не мог работать попрежнему, не имея прежнего спокойствия.

Жорж Санд глубоко обиделась и не приехала, как всегда, с наступлением зимы в Париж, осталась в Ногане. Она до того

тяжело переживала этот разрыв, что даже расхворалась.

Вот в это-то тяжелое время и сказалась вся разница в окружавших их людях, в друзьях. В то время как друзья Жорж Санд прилагали все старания, чтобы примирить обоих, различные аристократические друзья Шопена, с их религиозными и монархическими убеждениями, всячески старались помешать примирению. Различные князья Чарторийские, графиня Потоцкая, эмигранты — Гржимала, священник Еловицкий и другие — считали, что незаконный, не освященный в церкви союз с такой безбожной республиканкой, как Жорж Санд, является пятном для Шопена. Они отговаривали его от примирения, совершенно не думая о том, каково ему будет жить одному и как это на него подействует. Шопен не ответил на последнее письмо Жорж Санд и сурово отклонял все попытки примирения.

Так прошла зима. В феврале 16 числа Шопен устроил в Париже свой фортепианный концерт. 22 февраля он назначил другой, который так и не состоялся.

22 февраля вспыхнула революция в Париже, и король-буржуа Луи-Филипп должен был бежать. Была провозглашена республика и избрано временное правительство для созыва учредительного

собрания. В члены этого временного правительства попали друзья Жорж Санд во главе с Луи Бланом.

Жорж Санд немедленно бросила Ноган и приехала в Париж. Здесь она примкнула к временному правительству и вошла в гущу политической жизни.

Совсем иначе было с Шопеном. Под напором событий притихли аристократические круги, многие бежали заграницу, крупная буржуазия попряталась.

Это лишило Шопена почти всех уроков, ему нечего было делать в Париже. Революционно-республиканская жизнь Парижа, в которой Жорж Санд была как в родной стихии, была ему глубоко чужда.

Так как ему нечего было делать в революционном Париже, Шопен решил уехать в Англию, в Лондон, куда его давно звали и где он давно мечтал побывать. Там начался как раз оживленный весенний сезон, можно было дать несколько концертов и заработать денег. Так он и сделал и в половине апреля уехал в Лондон.

Конечно, артист с такой европейской славой и значением, как Шопен, имел в Англии шумный успех. Шопен дал там несколько блестящих концертов и получил хорошо оплачиваемые уроки.

Но сырой, влажный климат Лондона оказался для него вредным, губительно повлияв на его здоровье. В Лондоне он пробыл до августа и затем уехал отдохнуть в Шотландию, в замок Кальдер-Гауз, принадлежавший лорду Торпичен, недалеко от Эдинбурга. Лорд Торпичен давно приглашал Шопена приехать к нему погостить.

Шопен писал родным, что он находится в красивом, чудесном замке, в очень живописной местности. Но, несмотря на все прекрасные условия жизни, здоровье его не только не улучшилось, а стало так плохо, что его служитель, постоянно ездивший с ним, должен был часто по вечерам на руках вносить его на второй этаж, где находились комнаты для гостей.

В Кальдер-Гаузе Шопен пробыл два месяца, а затем здоровье его настолько ухудшилось, что он в октябре переехал в Эдинбург к доктору Лущинскому. Здесь под наблюдением опытного врача он несколько поправился и даже настолько, что опять дал ряд концертов.

Но все-таки холодный и сырой климат Англии стал настолько невыносим для него, что Шопен решил опять вернуться в Париж, надеясь там поправиться. В конце ноября 1848 года он уехал из Англии обратно в Париж.

14. Последние дни жизни Шопена.

Вернувшись в Париж, Шопен сразу слег в постель. Друзья, увидев его, пришли в ужас. Путешествие в Англию подействовало вредно. Приходилось удивляться, как еще в таком слабом теле удерживается жизнь. Конечно, ни о какой музыкальной деятельности не могло быть и речи. То, что он писал в то время, настолько не удовлетворяло его, что он разрывал на части рукопись. Сохранились только трогательные мазурки ор.68 № 4 и ор.50, 51, да печальный, тоскливый романс "Мелодия" на слова поэта Сигизмунда Красинского.

Приближались жаркие летние месяцы, и Шопен, чувствуя себя плохо, решил написать в Варшаву родным, чтобы его сестра Людвика приехала к нему. Уж если умирать на чужбине, то все же не среди чужих: такой смерти Шопен всегда боялся.

К великой радости Шопена, в июле приехала Соланж с маленькой дочкой и поселилась неподалеку от него. Соланж приехала из Гильери, имения отца, узнав о болезни Шопена. Теперь он был не один. И действительно, Соланж преданно ухаживала за ним и не покинула его до самой смерти.

Навещали его любимые ученики: Гутман и Говард. Из дам-аристократок чаще всего бывали княгиня Чарторийская, его ученица, и графиня Дельфина Потоцкая, чье соловьиное пение Шопен всегда любил.

19 августа приехала его сестра Людвика с дочерью, уже большой двенадцатилетней девочкой. Радость Шопена была безмерна. Здоровье его становилось, однако, все хуже и хуже. Однажды, во время посещения доктора, он присел на кровати, опираясь на плечо Гутмана, и сказал:

— Начинается уже конец.

Доктор стал его утешать и успокаивать, но Шопен возразил:

— Сознание момента, когда начинается конец, — это большая милость... Не мешайте мне.

Наступило воскресенье 15 октября 1849 года. С утра Шопен чувствовал себя лучше. Из Ниццы приехала, узнав о горестном состоянии здоровья Шопена, Дельфина Потоцкая. По просьбе Шопена, Потоцкая спела ему, аккомпанируя сама себе на фортепиано, подвинутом к дверям спальни, сначала арию из оперы Беллини "Беатриче", затем псалмы Страделлы и Марчелло.

Шопен внимательно слушал ее, повторяя:

— Как это прекрасно! Ах, как это прекрасно!

Шопен спокойно простился со всеми, отдал последние распоряжения относительно своих рукописей. Попросил сестру,

так как он эмигрант и не может быть похоронен в Варшаве, похоронить его на кладбище Пер-Лашез в Париже, но сердце отвезти в Варшаву.

— Я знаю, — говорил он, — не позволят вам привезти мое тело в Варшаву, но заберите туда хоть сердце мое.

Шопен просил, чтобы на похоронах его спели "Реквием" Моцарта, а в могилу бросили ту горсть польской земли, которую ему подарили при отъезде из Варшавы товарищи детских и юношеских лет. Бумаги и письма в столе просил все сжечь.

Вечером Шопену стало так плохо, он так задыхался от кашля, что говорить уже не мог и написал карандашом записку:

— Этот кашель меня задушит, а так как я не хочу, чтобы меня похоронили живым, то прошу вскрыть меня.

Ночью Шопен умер от болезни сердца, как показало вскрытие тела, а не от туберкулеза, как думали все.

Похороны Шопена были торжественные. Все его желания были исполнены. "Реквием" пели артисты Парижской оперы. Сердце его в красивой урне сестра увезла в Варшаву.

* * *

Шопен умер, но его творчество осталось жить. 86 лет прошло со дня смерти Шопена, почти столетие, а его музыка, его произведения попрежнему увлекают слушателей.

В музыкальном наследстве Шопена имеется не мало произведений технически нетрудных, которые может сыграть и не специалист. При этом все наиболее любимые произведения Шопена относятся к разряду миниатюр, т.е. не велики по размеру, а потому их не трудно выучить наизусть. А как приятно сыграть произведение великого мастера, доставив и самому себе и слушателям эстетическое удовольствие!

Но есть и другая, более глубокая причина тех всеобщих симпатий, которые завоевало себе творчество Шопена. Она заключается в особой задушевности его музыкальной речи. Ведь композитор может говорить с людьми преимущественно на музыкальном языке, и у каждого композитора своя манера беседы с аудиторией.

В своих миниатюрах Шопен говорит со своими слушателями не как оратор на большом собрании, а как близкий приятель, рассказывающий о своих личных переживаниях. В мазурках он передает свои воспоминания о счастливой поре своей жизни, в деревенской обстановке, когда он слушал польские народные песни и смотрел на танцующих парней и девушек. Красотой

летней ночи проникнуты чудесные, легко запоминаемые мелодии многих из его ноктюрнов (ноктюрн — ночная песнь).

Его знаменитые прелюдии также представляют собою своеобразные картинки, возникшие большей частью под влиянием какого-нибудь события из личной жизни, например — прогулки на лодке по озеру, беспокойства о Жорж Санд, ушедшей со своими детьми на прогулку.

Надо признать, что Шопен принадлежит к тем композиторам, музыка которых имеет свойство затрагивать самые глубокие струны человеческой души. Благодаря этому так велика у музыкантов тяга к освоению шопеновского творчества.

Мы видим много примеров этому в нашем СССР. Мы видим, что молодежь консерватории имеет в своей среде лауреатов, отличившихся на конкурсе по исполнению произведений Шопена. Мы видим, что и не получившая специального музыкального образования советская молодежь в порядке самодеятельности любит воспроизводить на рояле и на других инструментах наиболее любимые и популярные шопеновские вальсы.

Большая часть произведений Шопена написана для фортепиано: 3 сонаты, 14 вальсов, 27 этюдов, 25 прелюдий, 19 ноктюрнов, 4 баллады, 4 скерцо (шутки), фантазия (соч. 42), 4 экспромта. Ярко национальный характер носят его знаменитые мазурки (52) и полонезы (10). К лучшим сочинениям для фортепиано с оркестром относятся 2 концерта, большой полонез (соч. 22), фантазия на мотивы польских народных песен. Для пения с аккомпанементом фортепиано Шопен написал 17 романсов на слова польских поэтов.

notes

Примечания

1

Злотый равнялся пятнадцати копейкам. 4000 злотых составляет 600 руб. По тогдашним временам сумма большая.